

Сын Человеческий

Однажды, когда он в уединенном месте молился, его ученики были с ним, и он спросил их: За кого люди меня принимают? Они ответили: „Одни — за Иоанна Крестителя, другие — за Илию, третьи говорят, что воскрес кто-то из древних пророков". Он спросил: Ну, а вы меня кем считаете? Петр ему ответил: „Мессией Божьим". Тогда Иисус им строго наказал никому об этом не говорить» (Лк 9:18–21; ср. Мк 8:27–30). По версии Матфея (16:17–19), Иисус в этом диалоге сказал Петру: Счастлив ты, Симон Бар-Иона, потому что тебе открыли это не люди из плоти и крови, но мой Небесный Отец (ст. 17)^[169].

Итак, согласно этому рассказу, люди считали Иисуса пророком. Крестителя народ отождествлял с возвратившимся Илией, а вера в возвращение Илии была конкретной формой надежды на возрождение пророчества с приходом пророка последних времен. Вера в возвращение Илии основывалась на предсказании в Мал 3:23–24 (син. пер. 4:5–6), а надежда на появление пророка последних времен связывалась с Втор 18:15–18^[170]. Ожидание пророка последних времен отражено в рассказе Луки, согласно которому были люди, верившие, что один из древних пророков воскрес и явился в образе Иисуса (Лк 9:19). Все перечисленные в этом стихе мнения воспроизводят, в конечном счете, одну и ту же идею: Иисус не кто иной, как эсхатологический пророк. Появления такого пророка ожидали многие — ведь череда библейских пророков прервалась и прийти может только он. Так думали представители и раввинистического иудаизма, и других его направлений, например ессеи.

В Новом Завете даже за пределами синоптических евангелий мы находим ясные признаки того, что для многих людей Иисус был пророком последних времен, например в Деян 3:17–22. (Возможно, правда, что Деян 3:17–21 — это лишь свидетельство о попытке раннехристианской общины перенести на Иисуса представления об Илие, который был взят на Небо и должен вернуться в конце дней^[171].) Иудео-христианские секты эбионитов и назареев единодушно считали Иисуса «истинным пророком»^[172].

Иисус, как уже говорилось, и сам считал себя пророком. Это показывает его фраза о том, что он отправляется в Иерусалим, потому что только в Иерусалиме подобает погибнуть пророку (Лк 13:33). И в притче о злых виноградарях (Лк 20:9–19) Иисус рассматривает себя как пророка и одновременно как сына) — пророка, который будет убит, как прежние пророки. Правда, по этой притче получается, будто цепочка пророков не прерывалась после Захарии. Эта точка зрения не соответствует ни учению раввинов, ни есеевской доктрине. Но, возможно, именно в этом пункте Иисус и расходился со стандартной раввинистической и есеевской позицией. В любом случае, в новозаветных евангелиях нет ни малейшего намека на то, что Иисус сам считал себя пророком последних времен. В словах Иисуса, обращенных к Петру, у Матфея

присутствует элемент подлинности. Не означает ли это, что, в согласии с верой раннехристианской общины, Иисус действительно считал себя Мессией? Или, напротив, правы те, кто считает, что в жизни Иисуса не было ничего «мессианского»^[173]? Последняя точка зрения основана на том, что сам Иисус, по видимому, слова «Мессия» никогда не употреблял, а о «Сыне Человеческом» говорил только в третьем лице, как будто не отождествляя себя с ним. Евангельские речения, в которых содержится словосочетание «Сын Человеческий», распадаются на три группы. В первой говорится о «Сыне Человеческом», который должен прийти, во второй речь идет о его страданиях и воскресении, а третья состоит из высказываний Иисуса, в которых этот «Сын Человеческий» действует в настоящее время. Например, он говорил: У лисиц есть норы, у птиц — гнёзда, а сыну человеческому^[174] и голову приклонить негде (Мф 8:19–20). В этом и других подобных речениях арамейское или древнееврейское выражение «сын человеческий» означает просто «человек». Следовательно, эта группа речений не имеет никакого отношения к эсхатологическим надеждам Иисуса. Вторая группа, вероятно, создана в протохристианской общине: представление о страдающем и воскресающем «Сыне Человеческом» в иудаизме отсутствует. Таким образом, для учения Иисуса о Спасителе важны только речения о «Сыне Человеческом», который должен прийти.

В еврейской Библии термин «Сын Человеческий» появляется в книге Даниила. Там (7:9-14) в форме видения рассказывается о будущем божественном Суде над царствами мира. «Я увидел: поставлены были престолы, и Древний Днями воссел на престол... И Судьи воссели, и раскрылись книги... И видел я в моем ночном видении: с облаками небесными приближается некто, словно бы Сын Человеческий; он приблизился — и подвели его к Древнему Днями. И даны ему были власть, честь и царство, и все народы, роды и племена ему покорились. Власть его — власть вечная, непреходящая, и царство его нерушимо».

Сын Человеческий у Даниила — это символ «святых Всевышнего» (7:7-27). Однако по другим источникам (главным образом по эфиопской версии книги Эноха) мы знаем, что эта символика носит вторичный характер. В первичном значении в литературе этого круга Сын Человеческий — это человекоподобный эсхатологический судья. Так же понимал этот термин Иисус: Когда Сын Человеческий придёт со славой в окружении всех ангелов, он воссядет на царском престоле. И перед ним будут собраны все народы. И он отделит одних людей от других, как пастух отделяет овец от козлов, и поставит овец по правую руку от себя, а козлов — по левую. И скажет Царь стоящим справа: «Идите ко мне! Вас благословил мой Отец. Владейте царством, приготовленным для вас еще при сотворении мира!..» Потом он скажет стоящим слева: «Прочь от меня! Вы прокляты. Ступайте в вечный огонь, приготовленный для Дьявола и ангелов его!..» И пойдут они в муку на века, а праведные — в жизнь на века (Мф 25:31–46).

Во всех источниках Сын Человеческий изображается одними и теми же скупыми, но резкими штрихами. В нем есть некое неземное, сверхчеловеческое величие: это — космический судья последних времен. Восседавая на троне в окружении небесных воинств, он будет судить все человечество. Свой приговор: праведникам — блаженство, а злодеям — преисподняя, он сам должен привести в исполнение. Иногда этот образ Сына Человеческого явно отождествляется с фигурой Мессии^[175], но в нем можно узнать и библейского Эноха, который был взят на Небо^[176]. Согласно Завещанию Авраама^[177], Сын Человеческий — это библейский Авель (древнееврейское бен адам, «сын человеческий», одновременно можно понимать как «сын Адама»), убитый Каином: ведь Бог желает, чтобы каждого человека судил человек. Второй суд над творением будут затем вершить двенадцать племен Израилевых, и только третий — сам Бог. Из этого апокалиптического предания становится ясно, почему Иисус оказал Двенадцати: Вы прошли вместе со мной через все испытания... Когда Сын Человеческий воссядет на престоле славы, тогда и вы... сядете на двенадцати престолах как правители и судьи двенадцати племен Израилевых (ср. Мф 19:28; Лк 22:28–30).

В одном эссе фрагменте^[178] в качестве эсхатологического судьи мира выступает царь-священник Иерусалима Мелхиседек, который жил во времена Авраама^[179]. Вместе с небесными ангелами он будет судить людей и злых духов Велиала. Именно на него намекают слова псалма: «Бог занял место Свое в божественном собрании, посреди богов Он вершит суд» (Пс 82:1 / син. пер. 81:1). Иногда в еврейской традиции слово «Бог» в отдельных библейских фразах истолковывается просто как «судья». Такое же толкование у есеевских комментаторов показывает, кроме всего прочего, какое величие приписывается «человекоподобному» эсхатологическому судье.

Представление о том, что исполнителем на Страшном Суде будет библейский Мелхиседек, основано на словах 110-го (в син. пер. 109-го) псалма: «Решение Господа для моего господина: Сиди по правую руку Мою... Ты навеки священник наподобие Мелхиседека...» Древнееврейское слово, которое здесь переводится как «наподобие», можно понять и так, что получится, будто в этом псалме Бог обращается к самому Мелхиседеку. Есеевский автор именно так его и понимает. Однако, согласно обычному толкованию этого текста, сидящий на Суде по правую руку Бога — не сам Мелхиседек, но кто-то вроде Мелхиседека. Так этот псалом понимает Иисус. Однажды он приводит начальные слова 110-го псалма в связи с дискуссией о Мессии (см. Мк 12:35–36). В другой раз, перед тем как

выдать Иисуса римлянам, первосвященник спросил его, не Мессия ли он. Иисус ответил, пользуясь словами того же псалма. Буквально он сказал следующее: Отныне Сын Человеческий будет сидеть по правую руку Всемогущего Бога (Лк 22:69). Присутствующие справедливо восприняли эти слова как косвенное признание Иисусом своего мессианского достоинства.

Несомненно, не один Петр считал Иисуса Мессией уже при его жизни. Иначе Пилат не приказал бы напирать на кресте: «Царь евреев»^[180]. С другой стороны, как видно из некоторых речений, о Сыне Человеческом, который должен прийти, Иисус говорил как о другом Лице не всегда только потому, что хотел остаться тайным Мессией. Вначале он и в самом деле ожидал другого, но с течением времени все больше и больше убеждался, что он сам и есть Сын Человеческий, который должен прийти. Иначе беседа у Кесарии Филипповой, реакция Иисуса на слова Петра (по Матфею) и, наконец, его ответ первосвященнику были бы непонятны. Согласно Лк 22:67–69, судьи потребовали, чтобы Иисус ответил им, не Мессия ли он. Его ответ прозвучал так: Если я вам отвечу, вы не поверите, а если сам задам вам вопрос, не ответите. Но отныне Сын Человеческий будет сидеть по правую руку Всемогущего Бога^[181]. То, что титул «Сын Человеческий» едва ли изобретение общины, особенно ясно из того, что евангелисты всякими способами пытались дополнить приведенные слова: этот титул казался им не вполне однозначным указанием Иисуса на свое мессианское достоинство^[182].

Человекоподобный и величественный, восседающий на престоле божественной славы эсхатологический судья — самое возвышенное представление о Спасителе, которое когда-либо рождалось в недрах еврейской религии. Только один художник смог это передать. Этот художник — Ван Эйк, изобразивший Сына Человеческого в Гентском алтаре. Его образ — это образ человеческого и одновременно божественного существа^[183]. Но мог ли Иисус из Назарета вообразить себя кем-нибудь подобным? Не будем забывать, что он ощущал себя избранником Бога, Его слугой, единственным сыном, которому открыты тайны Небесного Отца. Именно ощущение своего величия в конце концов могло побудить Иисуса открыто и прямо отождествлять себя с Сыном Человеческим, как в иудаизме Сын Человеческий порой отождествлялся с Мессией.

В Новом Завете смерть Иисуса рассматривается как признак его мессианского достоинства. Но у самого Иисуса предчувствие смерти едва ли связано с идеей Сына Человеческого (см. с. 132сл и 141).

Просто тот, кто призывал не отвечать злом на зло, безропотно шел навстречу собственной гибели. Понял ли он перед смертью, что его казнь станет венцом переоценки всех общепринятых ценностей? Ведь именно эта казнь сделала высшее низшим, а низшее высшим, «потому что и Христос пострадал за грехи — раз и навсегда, праведник за неправедных, чтобы привести вас к Богу» (1 Петр 3:18).